

Влияние христианизации на бытовую культуру юкагиров

Галина Сергеевна Поповкина,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии, антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: galina.popovkina@gmail.com

В трудах исследователей уделено мало внимания крещению некогда многочисленных юкагиров. Это связано прежде всего с тем, что юкагиры приняли крещение раньше многих северных народов, не оказывая значительного сопротивления. Систематические материалы о деятельности Русской православной церкви на северо-востоке стали появляться лишь в XIX в.; в это время перед священнослужителями стояла задача обращения чукчей, вследствие чего основное внимание в источниках уделено именно этому вопросу. Тем не менее анализ и сопоставление даже разрозненных материалов позволяет восстановить основные вехи и национальный колорит христианизации юкагиров. Наиболее интересные сведения об этом процессе можно найти в трудах миссионеров и отчётах миссионерских комитетов, а также в работах В.И. Иохельсона, Я.И. Линденау, В.М. Зензинова, Г.Н. Курилова, В.А. Туголукова и др. Население Якутии и Чукотки имело нательные крестики, а в жилищах иконы, которые при перекочёвках хранились в специальных кожаных мешочках-футлярах. Влияние христианства на жизнь юкагиров сказывалось в повседневной жизни, брачных отношениях, выборе имени ребёнку, отслеживании явлений природы по христианским праздникам, соблюдении родства в крещении, почитании икон, праздников, некоторых способах лечения, появлении молитв на юкагирском языке, борьбе Церкви с шаманизмом. Многие современные фамилии юкагиров взяты ими у русских первопроходцев, обычно священников или восприемников при крещении. Параллельно с миссионерской деятельностью велась медицинская и просветительская работа. Христианизация проходила среди юкагиров, по-видимому, в целом так же, как и среди других народов, встречавшихся на пути первопроходцев и миссионеров. Несмотря на некоторые частные нарушения, Церковь стремилась обращать в христианство ненасильственно, опираясь на помощь государства, со стороны которого меры поддержки «инородцев» были направлены на создание благоприятной обстановки для крещения и взаимодействия.

Ключевые слова: юкагиры, христианизация, традиционная культура, народы северо-востока.

The Influence of Christianization on the Everyday Culture of the Yukaghirs.

Galina Popovkina, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: galina.popovkina@gmail.com.

Researchers have paid little attention to the baptism of the once numerous Yukaghirs. This is primarily due to the fact that the Yukaghirs accepted baptism earlier than many northern peoples without any significant resistance. Systematic materials on the activities of the Church in the northeast began to appear only in the 19th century. At that time, the clergy were primarily focused on converting the Chukchi, and as a result, the available sources largely concentrate on that issue. Nevertheless, the analysis and comparison of even scattered materials allows us to reconstruct the main stages and ethnic character of the Christianization of the Yukaghirs. The most interesting information about this process can be found in the works of missionaries and the reports of missionary committees as well as in the works of V.I. Jochelson, Y.I. Lindenau, V.M. Zenzinov, G.N. Kurilov, V.A. Tugolukov, and others. The population of Yakutia and Chukotka wore cross pendants and kept icons in their homes, which during migrations were stored in special leather pouches or cases. The influence of Christianity on the life of the Yukaghirs was reflected in everyday life, marital relations, choosing a name for a child, tracking natural phenomena on Christian holidays, observing kinship in Baptism venerating icons and holidays, some methods of healing, the appearance of prayers in the Yukaghir language and the Church's fight against shamanism. Many modern surnames of the Yukaghirs were taken from Russian pioneers, usually priests or godparents at baptism. Alongside the missionary activity, medical and educational work was carried out. Apparently, the Christianization among the Yukaghirs proceeded generally in the same way as among other peoples encountered by pioneers and missionaries. Despite some individual violations, the Church sought to convert people to Christianity non-violently relying on state support, whose measures to assist the "pagans" were aimed at creating a favorable environment for baptism and interaction.

Keywords: Yukaghirs, Christianization, traditional culture, peoples of the northeast.

Продвижение на восток русских первопроходцев сопровождалось постепенной христианизацией местных народов, встречающихся на пути следования. Практически в каждой экспедиции находились священники, обязанностью которых было не только исполнение религиозных треб для участников похода, но и обращение в православную веру аборигенов. В трудах исследователей обычно довольно много внимания уделено крещению крупных народов северо-востока России — якутов, чукчей, однако о некогда многочисленных юкагирах говорится мало. Связано это, по всей видимости, с тем, что устоявшимся считается мнение об относительной лёгкости, с которой юкагиры принимали крещение (в сравнении, например, с более

воинственными и ещё более отдалённо живущими чукчами). Так, в отчёте Якутского комитета Православного миссионерского общества за 1903 г. указывалось, что Якутская епархия занимает одну шестую часть всей России и живёт на этом пространстве не более четверти миллиона населения, «преимущественно инородцев: якутов, тунгусов, ламутов, коряк, юкагир, чукчей и др. Все эти инородцы, кроме большой части чукчей, крещены ещё до 1700 г.». Здесь же отмечалось, что «юкагиры почти вымерли» [23, с. 4, 7]. Учитывая вышесказанное, становится понятной скудость сведений именно о юкагирах в источниках по миссионерской работе Русской православной церкви и, соответственно, в трудах исследователей вопроса христианизации народов северо-востока: во-первых, считалось, что к 1900 г. они уже два века как крещены, поэтому интерес и внимание миссионеров были сконцентрированы на задержавшихся с крещением чукчах; во-вторых, уже к началу XX в. количество юкагиров значительно уменьшилось, и в глазах священников они «терялись» на фоне более многочисленных народов. Однако для полноты описания истории и культуры юкагиров необходимо восстановить основные вехи их христианизации и связанных с ней событий.

Много фактов говорит о сотрудничестве юкагиров с пришлыми русскими, в том числе и в области ведения переговоров с коряками, чукчами [13, с. 28, 35 и др.]. Однако нередкими были и случаи враждебных действий со стороны юкагиров к первопоселенцам: убийства, овладение казной и т.п. [13, с. 15, 38—40 и др.]. Тем не менее христианизация аборигенного населения Якутского края, а затем и Чукотки шла относительно спокойно, чему в немалой степени способствовали на первых порах принятые государством меры по содействию в обращении инородцев в новую веру. Уже в указе Сената 1720 г. отмечалось, что льготы устанавливаются для более успешного привлечения аборигенного населения ко крещению. Императорский указ 1731 г. предписывал оказывать новокрещёным «всякие льготы» в целом, указом 1733 г. запрещалось «чинить обиды и притеснения» ясачным людям Якутского воеводства и Камчатки, а в 1740 г. указ налагал запрет на «принуждения ко крещению», также устанавливались льготы, в том числе пятилетнее освобождение от уплаты ясачного обложения [21, с. 117—128]. Кроме того, на начальном этапе предусматривались подарки: медные кресты, рубахи, кафтаны, шапки, рукавицы, чирики, чулки. Представители местной знати получали серебряные кресты, суконные кафтаны и сапоги, женщины — украшения. Выдавались денежные средства; семьи, принявшие православие в полном составе, одаривались иконами. В 1764 г. система подарков была отменена, но одаривание крестами и иконами и трёхлетняя ясачная льгота сохранялись [21, с. 117—128]. То есть Русская православная церковь в миссионерской работе использовала ненасильственные методы и опиралась на помощь государства, прибегая к административному ресурсу. Подарки новокрещёным

способствовали более благоприятной обстановке для христианизации, а приобщение к православию делало инородцев равными другим подданным империи в правах и обязанностях [18, с. 29—33].

По мнению исследователей, большинство населения Якутского края к концу XVII в. было обращено в православную веру, хотя и усвоило её поверхностно. Известны факты искреннего желания принять православие и даже совершить паломничество к святым мощам. По данным VII ревизии (1815), только 485 из 76 918 ясакоплательщиков-якутов (0,6%) сохраняли свою приверженность к язычеству [21, с. 117—128].

Население Якутского края и Чукотки имело в жилищах иконы Иисуса Христа, Богородицы, святых, которые при перекочёвках хранились в специальных кожаных мешочках-футлярах. На становище иконы вынимали и вешали в пологе с помощью особых деревянных крючков [17, с. 51—54]. Известный миссионер — священник Андрей Аргентов — в описании своей деятельности среди жителей Чукотки отмечал, что у каждого из крещёных жителей тундры на груди имелся «наперстный крестик, а у достаточных непременно серебряный. В домах имеются иконы Спасителя, Богоматери и Св. Угодников и иконы сии у оленных раскрываются по временам, хранясь в особых киотах, а у балаганщиков открыто стоят на полочке, в переднем месте, и свечи перед ними. Сверх сего, если не у всех, то у многих имеются маленькие походные образа, хранимые в могильках. Образок, вложив в могилёк, обыкновенно возлагают на себя при отправке в путь» [1, с. 33]. По-видимому, в конце XIX — начале XX в. православие довольно прочно укоренилось среди жителей Якутского региона и оленеводов Чукотки: чукчей, юкагиров, ламутов (эвенов), чуванцев. Как правило, они помнили имена, данные им при крещении, крестили детей, венчались при совершении брака, отпевали покойников [17, с. 51—54]. Принятие крещения юкагирами сохранилось в народном сознании, как и память о задержке христианизации у чукчей: «Это священниками распространено божеское учение среди юкагиров», «Не смогли, кажется, распространить среди чукчей божеское учение» [8, с. 364, 518].

Влияние христианства сказывалось в повседневной жизни, при заключении брака, выборе имени ребёнку и т.д. По наблюдениям В.И. Иохельсона, объятие и поцелуй заимствованы юкагирами у русских как форма пасхального приветствия: встретившись впервые после Пасхи, даже если это происходило через несколько месяцев, юкагиры обязательно обменивались поцелуями [7, с. 63]. Явления природы отслеживались по христианским праздникам: «В день православного праздника забереги появляются на озёрах», «в божеский день И. по берегам озеро слегка обледенеет...», «Рождество. День удлиняется, появляется красный диск солнца», то же — «Рождество. Появится краснота солнца», «В день Феодосия [31 мая] все птицы кладут яйца» [8, с. 100, 117, 146, 395, 371]. Кроме того, в юкагирском

календаре традиционно шесть времён года, которые уже к концу XIX в. исчислялись соответственно православным праздникам. Также у юкагиров появились названия дней недели, повторяющие русские, а воскресенье стало иметь и собственное название, в переводе с юкагирского означающее «день бога», «праздник» [7, с. 86]. Примечательно, что в традиционном календаре юкагиров появились православные праздники: «Этот день — Божий день Благовещения», «Крещение и Васильев день имеют четыре дня в промежутке. Тогда крестики ставят» [8, с. 185, 310]. Обычно календарь был в виде палок от одного до двух аршин длиной; на палке четыре грани, каждый день отмечен зарубкой, воскресенья и праздники — крестиком или более глубокой зарубкой. Большими праздниками у юкагиров считались двенадесятые, Дмитров день, Николин, Афанасьев, Семёнов и др. [4, с. 106—126]. В быту отсчитывали время по праздникам: «До Рождества уезжайте... добывайте еду для всего наслега» [8, с. 103]. Иконы почитали и берегли. Например, путешественники говорили о том, что юкагиры испытывали к русской письменности большое уважение, почти благоговение, вследствие чего все написанные документы и письма бережно хранили рядом с иконой, которая в тордохе висела в переднем углу на шнуре [4, с. 117, 120]. При переезде юкагиры имели три нарты: переднюю, нарту для посуды и нарту для икон и других почитаемых предметов (обычно мужских принадлежностей), иначе её называли «божеская нарта» [8, с. 53, 452, 518].

Христианские праздники, называемые «божескими днями», прочно вошли в жизнь юкагиров: эти дни старались каким-то образом выделить, например, носить специальную праздничную одежду — специальный кафтан из оленьей шкуры и «кукашку из короткошёрстной шкуры, надеваемую в божеские дни»: «Все, одевшись [в хорошую одежду] помолятся Богу». Также было принято вести себя вежливо: «Сегодня божий день Благословения, вот нарочно меня заставил [ты] ругаться (ворчать) на тебя»; не заниматься хозяйственными работами [8, с. 18—19, 237, 340, 94, 518].

Вредоносные, неприятные сущности и люди с «плохими» занятиями (колдовство, «шептание») стали называться «чёртом», «чертовкой» [8, с. 23, 27] или «нечистой силой»: «Дьявольский комар, нечистая сила, совершенно не даёт мне покоя» [8, с. 60]; плохой поступок — грехом [8, с. 24—25], например, «грех обижать больного» [8, с. 31]. Грех может накапливаться и мешать: «Вот уже не в силах носить твои грехи» [8, с. 77]. Христианские представления о мире стали влиять и на традиционные верования (хотя, конечно, и не вытеснили их полностью): «Шаманы, камлая, чёрта видят» [8, с. 117].

По-видимому, было распространено убеждение, что нельзя осквернять христианского Бога делом или мыслью. В юкагирско-русском словаре Г.Н. Курилова несколько раз встречаются примеры с упоминанием некоего Гаврилы, который бросил икону: «не буду молиться, говоря», а также «отказался от Бога, не буду креститься,

мол». Рассказчик предполагает, что Гаврила «будучи крещёным, так сделав, распух, должно быть [после смерти]» [8, с. 518—519].

Хорошие события, наоборот, ассоциируются с Богом и святыми: «Бог помог встретиться нам», «Пусть Бог даёт много дорог, много удачных [счастливых] дорог» [8, с. 315, 518].

Русской церковью стали регулироваться и брачные отношения, а именно — устранялись браки между родственниками, законными считались зарегистрированные церковью браки. Как отмечал В.И. Иохельсон, юкагиры «в некоторой степени религиозны и с почтением относятся к брачной церемонии, проводимой церковью. У них не было бы тайных браков, если бы не чрезмерная плата, которую требует у них священник за проведение обряда». Встречались и иные злоупотребления со стороны священников [7, с. 129—130, 136—137], связанные прежде всего с их личностью, а не с общим подходом Церкви и государства к делу крещения «инородцев». Наоборот, даже нарушения у них брачного устава находили объяснение и некоторое снисхождение у миссионеров, душой болеющих за свою паству, о чём можно найти свидетельства в заметках о. Андрея Аргентова: «Случались и такие примеры, особенно между ламутами, что иные приносят для крещения младенцев от разных матерей, называя всех младенцев и женщин своими. Всё это, конечно, не согласно с желаемым порядком и обличается; но условия, недавность у туземцев христианства, навык к старым обычаям, отдалённость от церквей и священников и образ жизни берут верх над поучительными вразумлениями» [1, с. 33].

Традиционно новорождённому ребёнку не давали имя, пока он не начинал говорить. Однако под влиянием православия юкагиры стали крестить детей и давать им имена вскоре после рождения [7, с. 161]. Укрепился обычай соблюдать родство в крещении (крёстный брат, крёстный сын, крёстная и т.п.) [8, с. 518].

Важные этапы жизни юкагиров соотносились с церковными требованиями: «Крещёный человек через три дня хоронится» [8, с. 196], брак сопровождался венчанием [8, с. 412], рождение детей — крещением [8, с. 519]. Хотя, видимо, практика отложенного исполнения церковных обрядов сохранялась ещё долгое время, примеры чему можно найти в юкагирско-русском словаре: «Выйдя замуж, на следующий год обвенчалась» [8, с. 257]. У юкагиров считалось, что «после молитвы богу ум человека как бы облегчается» [8, с. 34]. Вероятно, некоторые из них были очень набожны и проявляли незаурядное религиозное рвение, чем даже могли навредить себе (или в этом видели причину недомогания): «Из-за того, что всё время, на коленях стоя, молилась, коленный сустав у старухи опух» [8, с. 252]. В христианстве взяты и некоторые способы лечения: например, катаракту посыпали церковным ладаном [7, с. 70].

Появились в юкагирском обиходе и молитвы на юкагирском языке, больше похожие на традиционные закликательные тексты,

но с упоминанием христианских святых, например: «Эти стремнины чтобы пройти, нам силу дай, нас спаси, Дева, нас проведи». Также В.И. Иохельсон отмечал, что, поднимаясь на лыжах на высокую гору, юкагиры обычно говорили: «Горы-хозяин, нас подними», а «Ныне к Деве-Марии, Христу или Хоиль обращаются с теми же словами. Иногда в молитвах, обращённых к Христу, юкагиры вместо своего Хоиль употребляют якутское слово, обозначающее „Творец-Господин-Бог“» [7, с. 302—303]. В быту появились восклицания-обращения к христианским святым: «О Мать-Богородица! Оказывается, одежда вся раскрытая лежит!», «если Бог даст [хорошего], этот декабрь тоже пройдёт незаметно», «Бог с тобой, теперь уезжай» [8, с. 32, 43, 56].

Примечательно, что, анализируя юкагирский фольклор, В.И. Иохельсон обратил внимание на отсутствие космогонических рассказов и библейских сюжетов, «как будто появление человека для них не представляет никакого интереса». Единственный библейский рассказ — о всемирном потопе, адаптированный к местным реалиям и повествующий об исчезновении мамонтов [7, с. 425].

Церковь боролась с шаманизмом у всех коренных народов северо-востока. Её влияние в этом вопросе на юкагиров было настолько сильным, что некоторые шаманы стремились всячески скрываться от посторонних, чтобы факт их шаманских занятий не стал известен священнику [7, с. 273]. На это же указывал и о. Андрей Аргентов: если кому-то случалось прибегнуть к услугам шамана, то при его появлении «иконы, из набожности, занавешивают, либо прячут», а сам шаман «тайком» и «тихомолком» пробирался к «людям суеверным и невежественным», заменяя собой иногда священника и лекаря [1, с. 33]. Надо полагать, что продолжительное время среди юкагиров сохранялось двоеверие: в первой половине XVIII в. Я.И. Линденау отмечал, что «в настоящее время многие юкагиры крещены, но всё-таки большая их часть остаётся язычниками» [9, с. 154].

Сохранилось предание о встрече юкагиров с русскими и крещении, записанное В.И. Иохельсоном [5, с. 74—86]: юкагиры не понимали до конца, что происходит, какую веру они принимают, ввиду языкового барьера (путешественники и миссионеры не знали юкагирского языка). Проблема перевода молитв и богослужебных текстов на языки коренных народов Сибири и Дальнего Востока стояла и в конце XIX в. Так, В.И. Иохельсоном записан текст молитвы «Отче наш» на верхнеюкагирском наречии, но сам исследователь отмечает, что это плохой перевод, который сделан с такого же некачественного перевода на якутский язык человеком, учившимся в Верхнеколымской церковной школе и бывшим единственным из ясачных юкагиров грамотным («т.е. он с трудом складывает слоги по-печатному, не понимая смысла слов») и знавшим «Отче наш» по-якутски [5, с. 237].

Однако надо отметить, что крещение происходило ненасильственно и не сразу после встречи; в течение нескольких лет русские

были знакомы с юкагирами: «...русский начальник... нас всех позвав, такой прекрасной водой поил, такой прекрасной едой кормил, такой прекрасной травы курить дал, так всё дал. Взявши, мы пошли домой» [5, с. 83]. Описан в предании и обряд крещения, как его запомнили юкагиры. Этот эпизод можно найти у В.А. Туголукова, который, кстати, считает, что в XVII в. русские «не придавали большого значения „идеологической обработке“ ясачного населения Сибири... но при случае не упускали возможности приобщить юкагиров к своей вере... в результате какая-то часть юкагиров была крещена ещё во второй половине XVII в.», а полным ходом крещение юкагиров пошло после того, как в Зашиверском остроге на Индигирке в начале XVIII в. была построена церковь. В подтверждение своей мысли исследователь ссылается на Ф.П. Врангеля, который, проезжая в 1820 г. через Зашиверск на Колыму, со спутниками «останавливались у известного по всей Сибири отца Михаила, который прожил в Зашиверске 60 лет и за это время успел окрестить до 15 000 якутов, тунгусов и юкагиров» [19, с. 21—23]. Общеизвестен факт, что многие современные фамилии аборигенных народов взяты ими у русских первопроходцев, обычно священников или восприемников при крещении. У юкагиров это фамилии Брусенин, Щербakov, Спиридонов, Барабанский, Ягловский, Туголуков [19, с. 24].

Интересна оценка деятельности священников-миссионеров, работавших среди юкагиров, чукчей и др., в отечественной историографии. По мнению исследователей, дореволюционные авторы делали всесторонний анализ христианского просвещения народов северо-востока России, учитывая все сложности, с которыми приходилось сталкиваться миссионерам на Чукотке и Камчатке: отсутствие дорог, суровый климат, слабая материальная поддержка и т.п., а также слабая специальная подготовка самих миссионеров. Однако советская наука в основном характеризовала труды миссионеров как «малодостойные» [16, с. 70—76].

Несмотря на то, что основные усилия Церкви ещё в XIX в. были направлены на христианизацию чукчей, в истории сохранились имена священников, которые продолжали свою миссию и среди юкагиров. В 1799 г. была образована Чукотская миссия, действовавшая на территории Якутской области и охватывающая как территорию современной Чукотки, так и Нижнюю Колыму, бассейны р. Малый и Большой Анной. Возглавил Чукотскую миссию о. Григорий Слепцов, который хорошо знал языки местных народов (что было не характерно для миссионеров в целом): чукотский, эвенский и юкагирский. Надо сказать, что он был единственным миссионером в огромном регионе и много сделал для просвещения чукчей, юкагиров и ламутов (эвенов) [16, с. 70—76]; считается, что он обратил в христианство около 70 000 чел. [1, с. 25].

Хорошо известно имя священника-миссионера о. Андрея Аргентова, служившего в Чукотской миссии с 1842 по 1857 г. и оставившего

довольно подробные дневники своего пребывания там. Пятнадцатилетнее проживание на Чукотке привело к тому, что сам священник замечал о себе: «Говорю, пятнадцать лет я пробыл там. Обьюкагирился преизрядно» [2, с. 15]. Стараниями о. Андрея и купца 3-й гильдии В.И. Трифонова была построена первая церковь в Чаун-Чукотке — земле чукчей и юкагиров [16, с. 70—76]. Благодаря его «Путевым заметкам» стало известно, что в Вербное воскресенье в 1844 г. о. Андрей Аргентов совершал на Аннойской ярмарке в Никольской часовне (основанную о. Григорием Слепцовым) на походном антиминсе Божественную литургию, большинство предстоящих на которой были «бродячие инородцы» — кочевники-оленоводы. Всего на литургии присутствовало 80 человек, из них 17 причастников — юкагиры, чуванцы и чукчи, «здесь же в часовне молился родильниц, крестил, бракосочетал, исповедовал, отпевал, исполняя христианские требы у бродячих инородцев, а частью и у русских. Ради подробностей можно заметить, что младенцев для крещения здесь предоставляют большей частью полугодовых, годовых и старше; венчаться приходят, сперва поживши год-другой, а иногда и детей наживши; об отпении просят, когда покойники давно уже покоятся — иногда года два и больше» [1, с. 32—33]. Миссионер также отмечал, что местное население вполне охотно исполняет религиозные требы: «От христианских св. таинств, обрядов и постановлений церковных не отклоняются, если к исполнению оных представляется им удобный случай» [1, с. 33], и рассказывал, как тунгусы и юкагиры внимательно слушали его проповедь и просили ещё проводить душеспасительные беседы. Из чего священник заключил, что «обитатели тундр глубокого севера, несмотря на мнимую суровость свою, одарены сердцами, наклонными к восприятию слова Божьего» [1, с. 8]. Надо заметить, что длительное время христианство тесно переплеталось с традиционными верованиями в жизни юкагиров, например: «О родненькое солнышко!.. Только [оно] всходило, когда ещё диск [его] не взошёл, ему крестилась я» [8, с. 210]. Ярмарки, кроме торговой, выполняли важную коммуникативную функцию для северных народов: появлялась возможность встречи с соседями, исполнения религиозных обрядов и т.п. Юкагиры не были исключением: «Летом, около Петрова дня, к Верхнеколымску приплывает целый флот юкагирских лодок... Тут юкагиры вносят исправнику, который приезжает из Среднеколымска, ясак, священник исполняет требы, а якутские и русские торговцы выменивают у юкагиров то, что было ими добыто зимой и весной, на чай, табак, ситец или платки» [6, с. 13].

Священники старались помочь и в бытовых проблемах вверенной им паствы. Так, неутомимый миссионер митрополит Иннокентий (Вениаминов), будучи архиепископом Камчатским, Курильским и Алеутским, в середине XIX в. совершил поездку по епархии (в неё входили часть Якутии, охотское побережье, Камчатка, Чукотка,

Аляска, Курильские, Командорские, Алеутские острова), во время которой 1 февраля 1847 г. к нему обратился священник Роман Верещагин, рассказавший «епископу Иннокентию о голоде, случившемся среди юкагиров, живших на р. Анадырь. Они относились к Колымскому ведомству, и поэтому Гижигинское начальство не желало им помогать. Верещагин помог им безвозмездно своими запасами, достал и сам привёз для них хлеб из Гижиги. Этот поступок был засвидетельствован в прошении юкагирского старшины на имя епископа Иннокентия» [14, с. 32].

Имена некоторых миссионеров долгое время были забыты, и память о них стала возвращаться только в первые десятилетия XXI в. Среди юкагиров живы воспоминания о человеке исключительной доброты и жертвенности, священнике Леониде Синявине, «...который крестил нас и наших детей, кочевал и жил вместе с нами, лечил нас и молился за нас. Это был хороший, добрый человек». И добавил по-чукотски — лыгъоравэтльан (настоящий человек)» [3, с. 77]. Он был для местного населения и учителем, и лекарем, и священником. В 1912 г. открыл приходскую школу в Походске, обучил грамоте 20 чел.; безотказно и бескорыстно лечил приезжавших к нему больных, заслужив уважение и любовь. Он привил от оспы всё население западной тундры и тем самым спас их от вымирания. Отец Леонид был миссионером на Чукотке три года (1910—1913), за которые привёл ко Христу кочующее население западной тундры от р. Колымы до Алазеи, и к 1913 г. завершил крещение чукчей, ламутов, тунгусов, юкагиров, якутов, проживающих в этом краю, продолжив начатое его предшественниками дело [3, с. 78—79].

Церковное попечение о народах северо-востока России не ограничивалось лишь обращением их в христианство. Параллельно с миссионерской деятельностью велась медицинская и просветительская работа. Известно, что зачастую священники в окормляемых ими приходах проводили оспопрививание и, обладая некоторыми медицинскими знаниями, помогали в лечении больных. В связи с этим представляют интерес отчёты миссионерских комитетов. Так, в 1909 г. «на „заведение“ аптеки было потрачено 35 рублей наличными». А к 1 января 1910 г. осталось «на улучшение быта инородцев 63 рубля 40 копеек» [10, с. 11]. В этом же году было привито от оспы 62 чел. [10, с. 8]. В 1914 г. расходы на миссионерские аптеки составили 81 рубль 10 копеек [12, с. 18]. По мере укрепления христианства стали появляться классы и школы при церквях: «Старик Христор учился в церковно-приходской школе» [8, с. 518]. Обычно такие классы обустроивались усилиями самих энтузиастов-миссионеров. Например, в 1912 г. о. Леонид Синявин обучил грамоте «20 человек обоего пола, в том числе 2 тунгуса, 3 юкагира, 1 якут, остальные русские». Он организовал «начальную церковную школу» в своей квартире и обучал там двух мальчиков — якута и юкагира. Дети жили

на полном пансионе на средства Якутского комитета Православного миссионерского общества [11, с. 6—8]. В.И. Иохельсон упоминал в своих работах о помощнике-юкагире, учившемся в церковно-приходской школе [5, с. 237]. Известно, что представители северных народов, обучившиеся в такой школе, могли входить в состав церковных служащих: так, например, в Якутской епархии было много старост или псаломщиков из «иностранцев», причём некоторые обучались в Якутском духовном училище [15, с. 40—42].

Посещал церковно-приходскую школу и Н.И. Спиридонов (Тэки Одулок) — известный юкагирский учёный и писатель. Однако в его очерке «На Крайнем Севере» Церковь и священство изображены с негативной стороны: особенно сильное раздражение и язвительность автора вылились на обновленцев, во всём произведении практически каждое упоминание лиц «духовного звания» сопровождается отрицательными характеристиками [20, с. 96—236]. Возможно, он имел негативный опыт общения со священнослужителями, но скорее всего, мрачный портрет христианства — результат атеистической пропаганды и желания угодить новой, советской, власти. Надо признать, что не всегда взаимодействие коренных народов севера и Церкви в лице её представителей проходило безукоризненно. Но также необходимо обратить внимание, что в случае злоупотреблений со стороны священников церковное руководство стремилось разобраться и навести порядок доступными средствами [22, с. 66—73; 14, с. 33]. Церковь и государство старались наряду с христианизацией проводить и социальную, гуманитарную работу среди коренного населения северо-востока.

Подводя итоги, можно сказать, что обращение в православие проходило среди юкагиров, по-видимому, в целом типично, так же как и среди других народов, встречавшихся на пути первопроходцев и миссионеров. Несмотря на некоторые частные нарушения, Церковь стремилась обращать в христианство ненасильственно, опираясь на помощь государства, со стороны которого меры поддержки «иностранцев» были направлены на создание благоприятной обстановки для крещения и взаимодействия.

В источниках и исследовательской литературе сохранилось мало сведений о процессе христианизации юкагиров. Это связано прежде всего с тем, что юкагиры приняли крещение раньше многих северных народов, не оказывая значительного сопротивления. Систематические материалы о деятельности Церкви на северо-востоке стали появляться лишь в XIX в.; в это время перед священнослужителями стояла задача обращения чукчей, вследствие чего основное внимание в источниках уделено именно этому вопросу. Тем не менее анализ и сопоставление даже разрозненных материалов позволяет восстановить основные вехи и национальный колорит процесса христианизации юкагиров.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аргентов А.И. Путевые записки священника миссионера Андрея Аргентова в приполярной местности. СПб., 1857. 68 с.
2. Аргентов А.И. Пятнадцать лет в Нижнеколымском крае: 1843—1857 гг. (из воспоминаний священника). Томск: Типография «Сибирского Вестника», [1869?]. 31 с.
3. Габышев Н.Н. Они несли людям свет христовой веры: забытые имена // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2016. № 3. С. 74—96.
4. Зензинов В.М. В гостях у юкагиров // Этнографическое обозрение. 1914. № 1—2. С. 106—126.
5. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В.И. Иохельсоном. Ч. 1: Образцы народной словесности юкагиров: тексты с переводом / изд. Император. акад. наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1900. XV, 240 с.
6. Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону: древний и современный юкагирский быт и письма (с приложением образцов рисунков юкагирских писем и снимков типов). СПб.: Типография В. Безобразова и К., 1898. 36 с.
7. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
8. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
9. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
10. Отчёт Якутского комитета Православного миссионерского общества за 1909 г. Якутск: Областная типография, 1910. 12 с.
11. Отчёт Якутского комитета Православного миссионерского общества за 1912 г. Якутск: Областная типография, 1912 [1913?]. 14 с.
12. Отчёт Якутского комитета Православного Миссионерского Общества за 1914 г. / изд. Якут. правосл. миссион. общества. Якутск: Обл. тип., 1914 год. 1915. 22 с.
13. Приклонский В.Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным и историческим данным / изд. Г.В. Юдина. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1896. 228 с.
14. Слободин С.Б. Путешествия митрополита Иннокентия (И.Е. Вениаминова) в Охотско-Колымском крае в середине XIX в. // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 26—39.
15. Справочная книжка Якутской Епархии за 1889 г. Якутск: Издание редакции Якутских Епархиальных Ведомостей, 1889. 72 с.
16. Ткалич А.И. Историко-культурное значение Чукотской миссии в просвещении коренных народов Чукотки в досоветский период // Миссия конфессий. 2017. № 21. С. 70—76.
17. Ткалич А.И. Чукотская миссия и её роль в христианском просвещении коренного населения Чаун-Чукотки в XVII — нач. XX в. // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. Т. 2. № 22. С. 51—54.
18. Тресвятский Л.А. К вопросу о методах вовлечения в сферу православной культуры народов Сибири в XVII веке // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 37-2. С. 29—33.
19. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.

20. Тэки Одулок. На Крайнем Севере // Под полярными созвездиями. Якутск: Кн. изд-во, 1987. С. 96—236.
21. Юрганова И.И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Якутии (XVII — начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 3. С. 117—128.
22. Юрганова И.И. Особенности становления приходской деятельности в Якутском крае (XVIII — первая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 66—73.
23. Якутский комитет Православного миссионерского общества за 1903 год. Якутск: Типография Областного управления, 1904. 11 с.

REFERENCES

1. Argentov A.I. *Putevye zapiski svyashchennika missionera Andrey a Argentova v pripolyarnoy mestnosti* [Travel Notes of the Missionary Priest Andrei Argentov in the Polar Region]. Saint Petersburg, 1857, 68 p. (In Russ.)
2. Argentov A.I. *Pyatnadtsat' let v Nizhnekolymskom krae: 1843—1857 gg. (iz vospominaniy svyashchennika)* [Fifteen Years in the Nizhnekolymsk Region: 1843—1857 (from the Memoirs of a Priest)]. Tomsk, Tipografiya «Sibirskogo Vestnika» Publ., [1869?], 31 p. (In Russ.)
3. Gabyshev N.N. Oni nesli lyudyam svet khristovoy very: zabytye imena [They Brought People the Light of Christ's Faith: Forgotten Names]. *Sbornik trudov Yakutskoy dukhovnoy seminarii*, 2016, no. 3, pp. 74—96. (In Russ.)
4. Zenzinov V.M. V gostyakh u yukagirov [Visiting the Yukaghirs]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1914, no. 1—2, pp. 106—126. (In Russ.)
5. Iokhel'son V.I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannyye v Kolymskom okruge V.I. Iokhel'sonom*. Ch. 1: Obraztsy narodnoy slovesnosti yukagirov: teksty s perevodom [Materials on the Study of the Yukaghir Language and Folklore Collected in the Kolyma District by V.I. Jochelson. Part 1: Samples of Yukaghir Oral Literature: Texts with Translation]. Published by the Imperial Academy of Sciences. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1900, 240 p. (In Russ.)
6. Iokhel'son V.I. *Po rekam Yasachnoy i Korkodonu: drevniy i sovremennyy yukagirskiy byt i pis'mena (s prilozheniem obraztsov risunkov yukagirskikh pis'men i snimkov tipov)* [Along the Yasachnaya and Korkodon Rivers: Ancient and Contemporary Yukaghir Life and Writings (Including the Appendix of Samples of Yukaghir Script Drawings and Photographs of Types)]. Saint Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazovai K. Publ., 1898, 36 p. (In Russ.)
7. Iokhel'son V.I. *Yukagiry i yukagirizovannyye tungusy* [The Yukaghirs and Yukaghirized Tunguses]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005, 675 p. (In Russ.)
8. Kurilov G.N. *Yukagirsko-russkiy slovar'* [Yukaghir-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, 608 p. (In Russ.)
9. Lindenau Ya.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of the Peoples of Siberia (the First Half of the 18th Century): Historical and Ethnographic Materials on the Peoples of Siberia and the North-east]. Magadan, Kn. izd-vo Publ., 1983, 176 p. (In Russ.)
10. *Otchet Yakutskogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1909 g.* [Report of the Yakut Committee of the Orthodox Missionary Society for 1909]. Yakutsk, Oblastnaya tipografiya Publ., 1910, 12 p. (In Russ.)
11. *Otchet Yakutskogo komiteta Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1912 g.* [Report of the Yakut Committee of the Orthodox Missionary Society for 1912]. Yakutsk, Oblastnaya tipografiya Publ., 1912 [1913?], 14 p. (In Russ.)

12. *Otchet Yakutskogo komiteta Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva za 1914 g.* [Report of the Yakut Committee of the Orthodox Missionary Society for 1914]. Published by Yakut Orthodox Missionary Society. Yakutsk, Obl. tip., 1914 god Publ., 1915, 22 p. (In Russ.)
13. Priklonskiy V.L. *Letopis' Yakutskogo kraya, sostavlenneya po ofitsial'nykh i istoricheskim dannym* [Chronicle of the Yakut Region Compiled from Official and Historical Data]. Published by G.V. Yudin. Krasnoyarsk, Eniseyskaya gubernskaya tipografiya Publ., 1896, 228 p. (In Russ.)
14. Slobodin S.B. Puteshestviya mitropolita Innokentiya (I.E. Veniaminova) v Okhotsko-Kolymskom krae v seredine XIX v. [Travels of Metropolitan Innocent (I.E. Veniaminov) in the Okhotsk-Kolyma Region in the Mid-19th Century]. *Materialy po istorii Severa Dal'nego Vostoka* [Materials on the History of the Russian Far East]. Magadan, SVKNII DVO RAN Publ., 2004, pp. 26—39. (In Russ.)
15. *Spravochnaya knizhka Yakutskoy Eparkhii za 1889 g.* [Reference Book of the Yakut Diocese for 1889]. Yakutsk, Izdanie redaktsii Yakutskikh Eparkhial'nykh Vedomostey Publ., 1889, 72 p. (In Russ.)
16. Tkach A.I. Istoriko-kul'turnoe znachenie Chukotskoy missii v prosveshchenii korennykh narodov Chukotki v dosovetskiy period [The Historical and Cultural Significance of the Chukotka Mission in the Enlightenment of the Indigenous Peoples of Chukotka during the Pre-Soviet Period]. *Missiya konfessiy*, 2017, no. 21, pp. 70—76. (In Russ.)
17. Tkach A.I. Chukotskaya missiya i ee rol' v khristianskom prosveshchenii korennykh naseleniya Chaun-Chukotki v XVII—nach. XX v. [The Chukotka Mission and Its Role in the Christian Enlightenment of the Indigenous Population of Chaun-Chukotka in the 17th—Early 20th Centuries]. *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta*, 2012, vol. 2, no. 22, pp. 51—54. (In Russ.)
18. Tresvyatskiy L.A. K voprosu o metodakh vovlecheniya v sferu pravoslavnoy kul'tury narodov Sibiri v XVII veke [On the Issue of Methods of Involving the Peoples of Siberia in the Orthodox Culture in the 17th Century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2016, no. 37-2, pp. 29—33. (In Russ.)
19. Tugolukov V.A. *Kto vy, yukagiry?* [Who are you, Yukaghirs?]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 152 p. (In Russ.)
20. Teki Odulok. Na Kraynem Severe [In the Far North]. *Pod polyarnymi sozvezdiyami* [Under the Polar Constellations]. Yakutsk, Kn. izd-vo Publ., 1987, pp. 96—236. (In Russ.)
21. Yurganova I.I. Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Yakutii (XVII—nachalo XX v.) [Missionary Activity of the Russian Orthodox Church in Yakutia (the 17th—the Early 20th Centuries)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov*, seriya «Istoriya Rossii», 2014, no. 3, pp. 117—128. (In Russ.)
22. Yurganova I.I. Osobennosti stanovleniya prikhodskoy deyatel'nosti v Yakutskom krae (XVIII—pervaya polovina XIX v.) [Features of the Formation of Parish Activity in the Yakut Region (the 18th—the First Half of the 19th Century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriya «Istoriya», 2021, no. 71, pp. 66—73. (In Russ.)
23. *Yakutskiy komitet Pravoslavnogo missionerskogo obshchestva za 1903 god* [The Yakut Committee of the Orthodox Missionary Society for 1903]. Yakutsk, Tipografiya Oblastnogo upravleniya Publ., 1904, 11 p. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 27.04.2025